

Поезд затормозил и остановился. Тотчас же открылась дверь второго вагона, на перрон выскочил проводник в нарядном форменном кителе, огляделся. В дверях вагона появился второй проводник и начал передавать первому один за другим роскошные чемоданы из мягкой желтой кожи. Чемоданов этих было великое множество.

Спустя минуту или две на перрон величественно сошла маленькая стройная женщина, похожая на старинную куклу с белоснежным фарфоровым личиком, в изумительном светло-бежевом костюме и крошечных изящных туфельках, с аккуратно уложенными платиновыми волосами. Встав чуть в стороне от вагона, она внимательно наблюдала за продолжающейся выгрузкой чемоданов, время от времени покрывая на проводников:

— Это сюда... не сюда, болван! Осторожнее! Там хрупкие вещи! Вы мне все побьете!

— Поезд отходит! — испуганно пролепетал один из проводников.

— Так поторопитесь! И никуда он не отойдет, пока вы не выгрузите все чемоданы!

Наконец выгрузка была благополучно завершена. Как вставная челюсть, лязгнули буфера, и поезд поплыл вдоль перрона, постепенно набирая скорость. Последний проводник вскочил в вагон на ходу. На лице его явственно просматривалось облегчение, как у человека, снявшего наконец тесные ботинки. Жизнь прекрасна!

Маленькая женщина осталась среди груды чемоданов. С величественным видом она огляделась и наконец увидела группу людей, сгрудившихся возле начала платформы и боязливо наблюдавших за ее прибытием.

— Ну, вот и я! — проговорила она со снисходительной насмешкой. — Кто-нибудь займется моим багажом?

Встречающие наконец ожили, как Спящая Красавица после поцелуя принца, заговорили, двинулись к ней, ускоряя шаг, отталкивая друг друга и забегая вперед.

— Тетя Аня! — проговорил, подходя к ней первым, довольно-таки незаметный мужчина лет сорока с невыразительным лицом. — Я — Григорий...

— Гришенька! — выдохнула маленькая женщина — и лицо ее поразительным образом изменилось. Оно покрылось едва заметными трещинками, как разбитая и заново склеенная

фарфоровая чашка — и сразу стало понятно, что этой женщине много, очень много лет. Как минимум далеко за восемьдесят. А может быть, и все девяносто.

— Гришенька, сколько же лет я тебя не видела? Дай подумать... почти сорок! Ты был совсем малюткой... я помню, как подарила тебе игрушечную шарманку... ты ходил по дому, крутил ручку, и шарманка издавала такой ужасный звук... Лена, твоя мама, еще спрашивала — какая зараза подарила эту шарманку... Я, говорит, готова ее убить собственными руками. А мой муж признался, что это я... было очень смешно смотреть, как изменилось ее лицо...

— Да-да... — рассеянно пробормотал Григорий, и по лицу его пробежала непонятная тень, отчего он ослабил внимание и позволил вырваться вперед другой встречающей.

— Здравствуйте, тетушка! — прощебетала с ненатуральным восторгом чуть полноватая крашенная блондинка, оттеснила Григория и клюнула старушку в щеку, оставив на этой щеке кроваво-красный оттиск. — Надеюсь, вы благополучно доехали?

— Отвратительно! А ты еще кто такая? — удивленно проскрежетала приезжая, недовольно отстранившись и близоруко вглядываясь в блондинку. — Нюся? Дочка домработницы?

— Что вы, тетушка! — вспыхнула блондинка. — Я Эльвира, жена вашего племянника

Михаила! — Она бросила выразительный взгляд на невнятного мужчину средних лет, который тут же послушно приблизился, пригладил волосы пятерней и попытался шаркнуть ножкой, что у него не получилось. Он просто потоптался на месте, умудрившись наступить на ногу своей жене, отчего ее улыбка превратилась в оскал гиены.

— Он мне никакой не племянник! — фыркнула старушка. — Он — племянник Николая Федоровича, моего покойного мужа! Кстати, всегда знала, что у Мишки отвратительный вкус! И Николай тоже так считал. Но на этот раз он, кажется, превзошел себя...

Помимо Григория и Эльвиры, на перроне толкалось еще пять или шесть человек — дряхлая старуха, одной рукой опирающаяся на суковатую палку, а другой — на плечо женщины средних лет с водянистыми рыбьими глазами и бледными, робко поджатыми губами; пожилой мужчина с умным, несколько обидчивым лицом, в приличном, хотя слегка поношенном костюме; две очень похожие женщины в районе пятидесяти, то и дело переглядывающиеся и перешептывающиеся.

Эта группа подошла позже, поскольку старуха со своей палкой перекрыла дорогу, и не было никакой возможности ее обойти. Впрочем, пожилой мужчина подчеркнуто держался чуть в стороне, соблюдая настороженную дистанцию.

— Кто-нибудь займется моими чемоданами? — строго осведомилась пожилая дама, которую никто в здравом уме не осмелился бы назвать старушкой.

— Сейчас, тетя Аня... — пропыхтел Григорий, ухватившись за один чемодан и безуспешно пытаясь сдвинуть его с места.

— Что ты, Гришенька? — Она снисходительно потрепала его по щеке. — Куда тебе! Да и что — никого другого не найдется?

— Михаил, чего ты ждешь? — строго окликнула Эльвира своего бессловесного супруга. — Ты же видишь, что твоей тетушке нужна мужская помощь? Впрочем, — добавила она вполголоса, — что я говорю... где здесь мужчина...

Она сказала это вроде бы про себя, чтобы услышал ее только муж, который давно уже не обращал внимания на ее слова. Или успешно делал вид, что не обращает. Но приехавшая пожилая дама обладала не по возрасту острым слухом, острым зрением и острым язычком. Кстати, последнее встречающие успели уже заметить.

Так что она слышала замечание Эльвиры и бросила быстрый взгляд на ее мужа, отметив естественно равнодушное его лицо.

— Ну-ну... — пробормотала приехавшая действительно тихо, так что ее-то никто не услышал.

Эльвиру отпихнула женщина с водянистыми глазами, подведя к приехавшей старуху. Это

никогда бы у нее не получилось, если бы старушенция как бы случайно не стукнула Эльвиру палкой по ноге. Эльвира взвизгнула и отскочила, потирая щиколотку.

— Анна Ильинична! — заговорила рыбоглазая женщина неуверенным голосом. — Вы, наверно, не помните мою маму... она... она ваша родственница... вашего дяди дочка...

— Двоюродного дяди, то есть, говоря прямо, седьмая вода на киселе, — поправила ее вновь прибывшая. — Отчего же не помнить? Я всех помню! У меня Альцгеймера пока что нет! Люба, Надя...

— Вера! — с готовностью подсказала женщина. — Вера Ивановна! А я — Василиса...

— Постой-постой! — весело удивилась Анна. — Так ты и есть ее дочка, которую она неизвестно от кого прижила? Тайный плод любви несчастной! Ну-ка покажись! — Она бесцеремонно повернула Василису кругом, привлекая к ней всеобщие взгляды, отчего та смутилась и еще больше побледнела. Стали заметны несвежая кожа, ранняя складка возле губ, сутулые плечи, обвисшая грудь...

— Да! — громко вынесла вердикт Анна. — Неказиста! Не могла уж Верка кого покрасивше выбрать, раз уж все равно безотцовщина!

Она повернулась к старухе и вдруг замолчала, взглянув в ее абсолютно пустые глаза.

— Ты кто? — громко спросила старуха, опершись на палку. — Ты Люся? Которая сметану молоком разбавляет? Или Таня из галантереи? Ты мне двадцать рублей сдачи недодала!

— Я Аня... — прибывшая неожиданно понизила голос. — Анна я... не узнаешь?

— Николая жена? — Теперь голос у старухи был совсем другой, почти нормальный.

— Вдова, — поправила ее приехавшая. — Умер Николай. Умер много лет назад.

Старуха резко отвернулась от нее и побрела прочь.

— Давно она так? — спросила Анна у ее дочери.

— Да уж, почитай, лет семь, как почти никого не узнает, только меня иногда... бывают просветления, но редко... — Из водянистых глаз Василисы брызнули слезы, и она бросилась вслед за матерью, поскольку та целеустремленно шла к краю перрона.

— Визит старой дамы! — усмехнулся пожилой мужчина приличного вида, стоящий чуть в стороне от остальных, и махнул рукой носильщику с тележкой, который маялся неподалеку в ожидании.

Носильщик принялся грузить чемоданы на тележку. Пожилой мужчина снова усмехнулся и добавил, ни к кому не обращаясь:

— Или, скорее, прибытие царицы Савской в Иерусалим...

Никто ему не ответил, все следили за носильщиком, который с трудом укладывал в тележку тяжеленные чемоданы.

Племянник Григорий порадовался, что догадался заказать приличную машину из гостиницы, представив, что сказала бы тетя, увидев его старенькую «Хонду». Идиот Мишка взял в кредит новый «Фольксваген Поло», чтобы ублажить эту стерву Эльвиру. Ей, конечно, и того мало, все равно всем недовольна, и как Мишка будет расплачиваться с такими грабительскими процентами, ей по фигу.

Ишь, как вертится перед теткой, только что из платья не выпрыгивает. Думает, богатая тетка денег отвалит. Да жди, дожидайся, тетка тебя насквозь видит. Мишка не ее племянник, а теткин муж дяди Коли. А тот давно умер, все свое состояние тетке оставил. Детей у них не было, так что он, Григорий, теперь главный наследник.

Эта дура Эльвира на чемоданы смотрит алчным взором. Да не туда смотреть надо! Самое-то богатство не в чемодане находится, а в двадцати километрах от города.

Ну да, там фабрика, которая тетке принадлежит по наследству. Дядя покойный серьезный был человек. Работал директором конфетной фабрики. Да в перестройку не растерялся и сумел ее приватизировать. И производство наладил. Конфеты были самые лучшие в регионе, сли-

вочные, назывались «Коза-дереза». Григорию с детства они нравились. Название забавное, на фантике симпатичная коза нарисована, с колокольчиком на шее. У них в городе все про коз, все названия соответствующие. Ресторан есть «Серенький козлик», еще один — «Серебряное копытце». Потому что город так называется — Козловск. Старинный город, с историей, стоит на реке Козловке.

И кто бы знал, вдруг с тоской подумал Григорий, как ему этот старинный город осточертел. Вся эта красота провинциальная уже в печенках сидит, до зубовного скрежета надоели церкви и дома деревянные с наличниками.

И ведь уехал отсюда в юности, выучился, работу нашел в большом городе, так пришлось все бросить, как мать заболела. Отец-то еще раньше по пьяному делу в аварию попал со смертельным исходом, а мать написала ему, только когда совсем худо ей стало. Врачи сказали, что поздно операцию делать, но он все равно мать в Москву повез. Да толку-то... Только денег кучу истратил, в долги влез.

В общем, пока полгода тут с умирающей матерью провел, работа его прежняя в большом городе накрылась медным тазом. И Алинка ушла, ждатель не захотела.

Вот так и получилось, что застрял он здесь на... да уж почти десять лет будет. Надо же, как

время летит! Но теперь все будет по-другому, все изменится.

Он, Григорий, обалдел просто, когда тетя Аня позвонила из своей Америки или где там она живет. Приеду, говорит, через месяц, организуй встречу и жилье. Жить, говорит, буду у вас долго, может быть, вообще до конца. Хочу, говорит, поглядеть на родные места и дела в порядок привести. Лет, говорит, мне много, нужно перед смертью ничего недоделанного не оставлять.

Он-то, грешным делом, подумал, что и вправду тетка болеет и осталось ей немного, вот и хочет перед смертью на родные осины поглядеть. Ага, как же, эта и до ста лет запросто проживет, энергии еще на пятерых молодых хватит. А вот что с делами решила разобраться — это правильно. Давно пора. Не иначе как хочет ему фабрику завещать. И будет он не обычный менеджер по закупкам в мелкой оптовой фирме, а владелец фабрики.

И ничего, что фабрика сама давно на ладан дышит, производство на обе ноги хромает и в главном здании недавно крыша провалилась, хорошо, что никого не убило. Он, Григорий, кое-что в этих делах смыслит, разберется, как управлять. А не получится — так продать фабрику можно, ресторан купить или еще что. Вон, «Серебряное копытце» процветает, ну, там хозяйка толковая женщина, в бизнесе понимает, мужики

у нее на подхвате, как сейчас говорят — «баба с яйцами».

Носильщик наконец загрузил свою тележку и с трудом покатил ее по перрону, напутствуемый истошными криками Эльвиры, чтобы смотрел в оба и не смел ничего уронить. Нет, ну до чего противная баба, хочет к тетке в душу влезть без мыла, да только ничего у нее не получится.

— Тетя Аня! — Григорий подал руку тетке. — Автомобиль ждет у выхода. Прошу!

— Идем, Гришенька, дорогой! — Она сделала вид, что опирается на его руку, хотя на самом деле могла бы прошагать весь перрон строевым шагом, как солдат на параде.

В гостинице не подвели, прислали вполне приличный «Мерседес», и водитель ждал у машины — симпатичный парень, белая рубашка, черные брюки, выбрит чисто. Тетка бросила на него один взгляд и осталась довольна. Хотя у нее не поймешь.

Григорий усадил тетку на заднее сиденье, сам, чуть поколебавшись, сел рядом, все же оглянувшись в последний момент. Оно того стоило: кислые морды провожавших подняли ему настроение.

На лице Эльвиры он прочел самую настоящую ненависть, ее муж вроде бы смотрел в сторону равнодушно, но никого это равнодушие не обманет. Бабка эта полоумная вдруг палкой своей замахнулась, дочка... как же ее... ну да, Василиса,

еле успела палку перехватить, так бабка ее кулаком в живот ткнула. Надо же, вроде бы в маразме, а как ловко получилось, Василиса эта прямо скорчилась от боли, только что не заорала. Говорят же, что психи очень хитрые.

Старый хрен Роман Андреевич вроде бы в сторонке стоит и делает вид, что он тут вообще ни при чем, а сам губы обидчиво кривит. Вот он точно не родственник, а близкий друг дяди Коли покойного, вроде бы в школе они еще учились сто лет назад. Тетка и ему написала, всех хочет собрать, непонятно только зачем. Ну, у нее свои резоны, несомненно, есть, он, Григорий, не полный дурак, сразу понял, что тетка ничего просто так не делает.

Еще две бабенки сзади шеи тянут, пытаются теткин взгляд поймать. Ну, эти-то последние спицы в колесе. Еще когда здесь жили, была у дяди Коли домработница. Как раз в перестройку вывез он ее из деревни, откуда сам родом был. Какая-то она ему родня уж такая дальняя, что и не определить точно. Ну, в деревне все друг другу родня, и фамилия у этой Нюры была такая же, Голубева.

Григорий тогда маленький был, лет десяти, но помнит, как мать отцу рассказывала, что тетя Аня очень недовольна была, что домработница из деревни, да еще и родня дальняя, хоть и седьмая вода на киселе, нашему забору двоюродный

плетень. Да еще и зовут так же, как ее, Анной. Но муж ее тогда строгость проявил, кулаком по столу стукнул, она и не посмела ему возражать. Серьезный был мужчина, и на фабрике у него все по струнке ходили.

Там в деревне беда случилась: у этой Нюры дом сгорел, и муж вместе с ним. Не то пьяный был, не то полез собаку спасать, в общем, сгорел. И собака тоже не вырвалась.

Осталась Нюра без дома и без мужа, да двое девчонок на руках. Вот дядя Коля и взял ее к себе домработницей. Дочки ее постарше Григория были — пятнадцать, шестнадцать, так что тетка условие поставила жесткое: чтобы в доме их не было. Мне, сказала, этих хихонек и хахонек не нужно, да еще парни начнут рядом вертеться.

Так что устроили девок в училище при фабрике, потом работу там же нашли. У них разница год или два, так вместе и прожили. Зовут Таня и Маня, а уж кто есть кто, сам черт не разберется. Мать их умерла давно, и зачем только тетка их позвала...

— Дорогие мои! — Прибывшая опустила окно. — Устала я с дороги, так что сейчас поеду в гостиницу. А завтра часиков с одиннадцати прошу ко мне с визитами. Не все сразу, я хочу с каждым поговорить отдельно. Так что до завтра...

— Приезд царицы Савской в Иерусалим, — снова усмехнулся пожилой мужчина приличного

вида, но слова его потонули в выкриках небольшой толпы. Каждый старался перекричать другого и пожелать богатой гостье всего наилучшего.

— *Тревога! Тревога! — Молодой стражник с округлившимся от волнения глазами тряс своего старого напарника, мирно дремавшего на посту возле Яффских ворот.*

— *Что такое? Что случилось?*

— *Вон, сам погляди! К городу приближается вражеское войско! Нужно дать знать начальнику караула, нужно поднять по тревоге всю городскую стражу...*

— *Да с чего ты взял?*

— *А ты сам погляди...*

Вдали над дорогой поднимались клубы пыли, сквозь которые проступали смутные силуэты всадников. Постепенно усиливаясь, раздавалось приближающееся конское ржание, топот копыт, гортанные голоса погонщиков, хриплые, полные страстного нетерпения крики верблюдов.

— *С чего ты взял, что это вражеское войско? Это самый обычный торговый караван!*

— *Торговый караван? Когда ты видел такие огромные караваны? Их тысячи, тысячи!*

Облака пыли приближались, и теперь можно было разглядеть оскаленные морды коней, пышные головные уборы всадников, разноцветные украшения верблюжьей сбруи. Можно было даже почув-

ствовать плывущий в воздухе аромат пряностей и благовоний, перекрывающий запахи конского пота и верблюжьей шерсти.

— И правда караван! — изумленно проговорил старый, опытный стражник. — Только вряд ли торговый... и ты прав — нужно сообщить о нем начальнику городской стражи!

Прошло совсем немного времени, и невиданный караван остановился неподалеку от городских ворот Ершалаима. Теперь зеваки, собравшиеся на стенах города, как галки на крыше храма, такие же любопытные и такие же крикливые, могли разглядеть сотни верблюдов с понижими от долгого пути горбами, сотни верблюдов в богато расшитых узорчатых попонах, с поводьями, украшенными серебряными колокольцами и разноцветными шерстяными кистями. Могли разглядеть их погонщиков в богато расшитых бурнусах, могли разглядеть тысячи тяжелых вьюков с невиданными товарами. Могли разглядеть они и гарцующих вокруг каравана всадников на белоснежных йеменских конях — бравых всадников в кожаных нагрудниках, в бронзовых шлемах, обвитых цветными шелковыми платками, с кривыми дамасскими саблями, заткнутыми за пояс.

Яффские ворота приоткрылись на четверть, и из них навстречу невиданному каравану выехал начальник городской стражи — рослый, закаленный в боях воин с изуродованным шрамами лицом, в

бронзовом колпаке и красном, расшитом ливанским серебром плаще.

Навстречу ему подъехал пузатый, пожилой, седобородый человек в яркой чалме, в покрытом пылью, выцветшем от солнца дорожном плаще, придержал коня, поклонился:

— Мир тебе, друг! Мир и привет!

— Мир и тебе, — осторожно ответил начальник стражи. — Кто вы такие и с чем приехали в великий город Ершалаим? С добром ли прибыли вы в наши благословенные края?

— Мы — свита Балкиды, великой и славной царицы савеев. Госпожа наша — свет и краса мира, прекраснейшая из прекрасных и мудрейшая из мудрых. Она услышала о том, что в Ершалаиме на золотом престоле восседает царь Соломон, мудрость которого затмевает все, о чем только можно помыслить, и захотела своими глазами увидеть вашего царя и ощутить на себе свет его мудрости. Царица Балкида собрала этот маленький караван и прибыла сюда со своими скромными подарками. Будет ли угодно царю Соломону удостоить ее своей милости, встретиться с ней и принять ее ничтожные дары?

С этими словами пузатый вельможа повернулся к каравану и хлопнул в ладоши. И тотчас вперед выбежали восемь могучих чернокожих рабов, которые несли резные носилки из слоновой кости, на которых возвышался украшенный золотом и драгоценными камнями паланкин. Край шелкового занавеса,

закрывающего паланкин, едва заметно приподнялся, и показалась маленькая, изящная женская рука, украшенная многочисленными перстнями в сверкающих самоцветах. Рука эта была белее мрамора из тирских каменоломен, а крошечные ногти были розовыми, как лепестки дамасской розы.

Женская рука сделала властный жест и тут же скрылась.

Молодой стражник, первым увидевший приближающийся караван, разглядел эту руку — и сердце его мучительно заныло. По этой руке он смог вообразить всю царицу, прекрасную, как перы из старинных сказок, и такую же недоступную. С этого дня и до самого конца жизни он был обречен мечтать о прекрасной и недостижимой царице.

— Именем великого царя Соломона, — торжественно провозгласил начальник стражи, — предлагаю вам прием и гостеприимство, достойные величия царицы Савской! — И с этими словами он подал знак служителям ворот.

По этому знаку ворота широко распахнулись, и караван втянулся в городские стены Ершалаима.

Впрочем, он входил в город очень долго.

Сначала в ворота въехали статные всадники царской гвардии на белоснежных арабских конях, затем вбежали неутомимые носильщики с паланкином, в котором, незримая, восседала сама царица, затем проследовали еще несколько десятков всадников, и наконец потянулись бесчисленные вьюч-

ные верблюды, накрытые пурпурными попонами, отягощенные тяжелыми выюками, а также мулы с золотыми бубенчиками на упряжи. Везли они много чудесных и необыкновенных вещей — кувшины с благовониями, обезьян и павлинов в золоченых клетках, райских птиц в разноцветном оперении. Тут же шли чернокожие прислужники в белых одеждах, которые вели ручных тигров и белоснежных барсов на серебряных цепочках.

Горожане в упоении разглядывали невиданный караван, они гадали, что привезли эти удивительные люди, что таится в тюках и коробах, в глиняных сосудах и медных кувшинах, которыми были нагружены утомленные верблюды и белоснежные мулы. Арабские благовония? Китайские шелка? Драгоценные камни из Индии? Слоновая кость из черной Нубии? Жемчуг из полуденных морей? Золото из тех мест, о которых рассказывают в старинных сказках?

— Вот так-то, Гришенька, хорошо меня встретили, — заметила тетка, когда машина тронулась с места, и непонятно было, говорит она с иронией или серьезно. Не научился еще Григорий быстро определять ее интонации, давно они не виделись, да и когда уехали дядя с теткой за границу, его здесь не было.

Потом мать рассказывала, что пошло дело на фабрике плохо. То есть управлял-то дядя Коля хорошо, но вот возникли на горизонте какие-то

молодые да ранние, а проще сказать — бандиты, и захотели фабрику отжать. Сначала осторожно так предложили, чтобы их в долю взяли, потом в открытую наезжать начали.

Ну, Николай Голубев был в городе Козловске человек известный, начальство все у него в друзьях ходило. Вместе на охоту, на рыбалку, и прокурор, и начальник полиции лучшие друзья были. А проблема-то была в том, что и этих потихоньку подвинули, кто-то сам в отставку ушел, кого-то ушли со скандалом, одному несчастный случай устроили. И остался дядя Коля без поддержки.

Это все мать потом рассказывала, тетя Аня с ней перед отъездом поделилась, сестры родные все-таки. Тогда слухи ходили, что заправляет всеми бандитами один такой... кличка у него была Парашют, уже непонятно с чего. Молодой, нахрапистый, ничем не гнушался, хотел весь город под себя подмять.

Но дядя Коля человек был умный и предусмотрительный, оценил свои силы и понял, видно, что не выстоять ему, когда однажды попал в аварию. Кто-то на машине тормоза испортил, они и врезались в остановку автобусную.

Шофер умер в больнице, а дядя Коля легкими ушибами отделался. И начал, видно, потихоньку к отъезду готовиться. Кое-какие средства за границу перевел, еще кое-что сделал. А потом объявил всем, что в отпуск в деревню уезжает. Каждый год

туда ездил, родительские могилы навещал. Мать Григорию рассказывала, что ей сестра так и сказала, она и не догадывалась, что на самом деле будет.

И вот наутро им уезжать, а ночью дом запылал. Пока пожарные приехали, там уж крыша рухнула, не войти было. Ну и думали, что сгорели родственники, потому как машина их в гараже была.

Но когда завалы разобрали, то никого не нашли. Домработница Нюра тогда в деревне была, они ее заранее послали, чтобы там дом к их приезде приготовила.

Оказалось, глубокой ночью сели Голубевы в скорый поезд, что десять минут на их станции стоит, да и рванули в Москву. А оттуда уж на самолете за границу. В Москве у дядьки, наверно, кто-то был, потому как через три дня приезжает в Козловск адвокат с доверенностью и всеми нужными документами. Да не один, а с поддержкой. И Парашюту, который на фабрику приперся, было сказано прямо:

— Это ты тут, в Козловске, что-то из себя представляешь. А с серьезными людьми лучше тебе не связываться. Если не хочешь отправиться раньше времени на тот свет.

Убедили, в общем. А через два года его в разборке какой-то подстрелили. А фабрика потихоньку работала, но потом все хуже и хуже стало, потому что бизнес, конечно, пригляда требует. Он, Григорий, это хорошо понимает.

Тетка вертела головой, рассматривая, что стало с городом за время ее отсутствия. Ну, отстроили, конечно, главную улицу сделали для туристов пешеходную, там магазинчики сувенирные, кафе с террасами, цветы... в конце улицы церковь. Стоит белая, недавно отремонтировали, и солнце заходящее в куполах отражается.

— Красиво? — не выдержал Григорий.

— Да-да... — рассеянно ответила тетка, — скажи, пожалуйста, что с нашим домом, совсем заброшен?

— Ну-у... — Григорий замялся, потому что понятия не имел что, знал только, что опять-таки по распоряжению адвоката в свое время дом не то чтобы отремонтировали, но заново покрыли крышей, чтобы стены не прогнили, убрали балки обгоревшие и наняли даже сторожа, тихого, умеренно пьющего старичка, который жил в сарайчике у ворот и потихоньку в доме прибирался, и сад в относительном порядке содержал. А потом он вроде умер, и кто там теперь присматривает, он, Григорий, и знать не знает.

— Стоит дом, не развалился... — неопределенно ответил Григорий.

— Приехали! — Водитель с шиком затормозил у гостиницы.

Гостиница называлась «Золотые рога», и на вывеске был изображен самый настоящий козел с огромными позолоченными рогами. Смотрел

козел сурово, без улыбки, и поговаривали, что здорово он похож на хозяйку гостиницы мадам Копытину. Все тут ее — и гостиница, и ресторан внизу, тот самый, «Серебряное копытце». Серьезная женщина, у нее не забалуешь, бизнес свой держит железной рукой.

Однако не поленилась, сама на крыльцо вышла богатыю клиентку встретить и приветливую улыбку изобразила.

Еще бы, тетка у нее весь второй этаж сняла, четыре самых лучших номера. Чтобы, говорит, никто меня не беспокоил, мимо не шнырял, в двери не совался вроде бы по ошибке. Знаю я, говорит, эти провинциальные гостиницы, никакого порядка.

Ну, Григорий, когда с хозяйкой договаривался, этих теткин слов, конечно, передавать не стал, так что все хорошо вышло.

Сейчас он из машины вышел, тетке выйти помог заботливо, но ненавязчиво.

— Добрый вечер, Елена Васильевна!

— И вам тоже, Григорий Николаевич! — ответила хозяйка приветливо, и улыбка стала еще шире.

Ого, даже его отчество помнит! Прежде-то в упор его не замечала, да и не сталкивались они никогда. Что общего может быть у скромного менеджера по закупкам и такой состоятельной женщины? Ничего. А теперь... глаз у нее алмаз,

знает, что скоро станет он хозяином фабрики, важным человеком.

Он представил тетку и проводил ее в номер. Тут как раз и багаж подвезли.

Номер у тети Ани большой, комнаты просторные, пахнет свежестью. Потолки высокие, в этом доме когда-то давно купец богатый жил. Ну, с тех пор, конечно, все перестроили, но кое-что просто подновили. Потолки, к примеру, нимфами пышнотелыми расписаны были, так отреставрировали их. Люстры тоже под старину, с завитушками, занавеси бархатные, с бомбошками.

Тетя Аня, увидев все это великолепие, только хмыкнула про себя и пробормотала что-то вроде «а ля русс!».

— Ох, устала я что-то! — сказала утомленно и присела на диван.

— Тогда я пойду? Если вам, конечно, ничего не нужно! — сказал Григорий, помня, что навязываться тетке никак нельзя, от этого еще мать в свое время его предостерегала в детстве.

— Сядь пока. Вот что, Гришенька, — начала она, — ты, милый, завтра не приходи с визитом. Это все для них устроено! — она махнула рукой в сторону окна. — А с тобой у нас потом будет разговор отдельный, серьезный. А пока вот возьми на память... — она протянула ему простую квадратную коробочку. — Тут часы. Николай Федорович, дядя твой, очень ими дорожил,

всегда носил. Такая уж у него была привычка. Так что вот тебе на память... — Она открыла коробочку.

Часы были самые простые, стальной корпус, круглый циферблат, стальной же браслет, который пришелся Григорию впору. Он был начеку и сумел не выразить на лице разочарования.

— Спасибо. Я тоже всегда их носить буду, раз дядина память. Для меня это очень важно.

— Иди уж, а я отдохну.

Григорий приложился к сухой теткиной щеке и вышел, не оглядываясь.

Чтобы дядька носил такое барахло? Да ни в жизнь не поверю, он же богатый был человек! Какие-то деньги сумел за границу перевести и там с бизнесом раскрутился. Конечно, не миллиардер, но все же тете Ане кое-что оставил. И немало, судя по всему. А вот интересно, кому старая выжига эти деньги завещает?

— Дорогая, помоги мне завязать галстук! — пропыхтел Михаил, отступив от зеркала и склонив голову к плечу.

— Галстук? А зачем тебе галстук?

— Как — зачем? Я думаю, тетя Аня — человек старой закалки, и она оценит... Нужно прилично одетым быть, вот, я брюки от костюма даже отпарил...

— А куда это вообще ты собрался?

— Как — куда? Ты ведь сама сказала, что мы должны нанести тетушке визит... визит вежливости... что это очень важно... И она сама приглашала нас вчера...

— Да, это важно. Но я не помню, чтобы сказала «мы». Я пойду одна. Ты, как всегда, все только испортишь. Будешь стоять столбом и смотреть в пол, слова умного не скажешь.

— Но, Вирочка, в конце концов, это же моя тетя!

— А какая разница? Тем более что ты ей не родной племянник, а ее мужа, давно, кстати, покойного. В общем, ты будешь только мешать, а я сумею поговорить с ней как женщина с женщиной. И не спорь, ты только мешаешь мне собираться! — Эльвира щедро опрыскала себя пряными духами.

— Делай как знаешь... — тут же поскущел ее муж, который терпеть не мог этот запах. Но притворился, что ему все равно.

— Мама, доедай скорее кашу, мы торопимся! — в который раз повторила Василиса, с тоской думая, что все зря.

Зря она подгоняет мать, теперь она нарочно будет есть эту несчастную кашу в час по чайной ложке. Да и не ест, а больше по столу размазывает. Хорошо еще, что на пол не плюется, бывает и такое. Но это когда Василиса полы вымоет. Так

что она уж месяц, наверно, полы не мыла, так, подметет наскоро, да и ладно.

Живут они с матерью в деревенском доме, что от бабушки остался, хорошо, что в черте города. Удобств никаких, как в каменном веке, спасибо, что кран с водой во дворе имеется. И лето сейчас, так хоть печь топить не надо.

Василиса тяжело вздохнула и оглядела захлавленную, запущенную комнату.

Мать не разрешает ничего выбрасывать, весь угол бабушкин комод занимает, да печка, да кровать с никелированными шишечками. Ночью скрипит ужасно, Василиса из другой комнаты слышит. Еще мать храпит так, что стены трясутся. Душно тут, окошки крошечные. Хоть помыть их... а, надоело все!

Есть у них и квартира двухкомнатная в большом доме, жили они там, пока мать совсем с катушек не сошла. Пришлось съехать оттуда и сдавать ее, чтобы с голоду не умереть, потому что с работы Василиса уволилась. Нельзя мать такую одну оставлять, она может дом спалить или голой на улицу выйти. Бывали уже случаи...

Мать уронила ложку на пол, и Василиса очнулась от безрадостных мыслей.

— Мама, — спросила она, — ты наелась? Тогда давай оденемся и пойдем.

— Куда? — требовательно спросила мать. — В магазин? Сама сходи. Я не хочу.

— Гулять пойдем! — сказала наученная горьким опытом Василиса. — Сядем на лавочку, будем песни петь.

— Ну ладно... — Мать с грохотом швырнула на пол алюминиевую миску из-под каши.

«Господи, и когда это кончится!» — вздохнула дочь.

— Ну что, Машка, — спросила Татьяна, тщательно рисуя перед зеркалом изрядно поредевшие брови, — пойдем к хозяйке бывшей на поклон? Как она вчера сказала — с визитом?

— Может, не надо... — протянула ее сестра, — зачем мы туда пойдем? Что мы ей скажем?

— Ну, вот еще, не ходить! Зря я, что ли, с Райкой Саватеевой сменами поменялась? У нее мужик из командировки вернулся, а ей в ночную идти! Говорит, если ее дома не будет, он обязательно по бабам побежит! А то и домой какую-нибудь приведет. Так что как раз удачно вышло, успеем мы к тете Ане зайти!

— Какая она нам тетя? — фыркнула Мария. — Мы ей не родня, это дядя Коля покойный родственником считался.

— Считался? — Татьяна провела неудачную линию, чертыхнулась и бросила карандаш. — Да какая он нам родня! Как в деревне баба Катя говорила — наш плетень горел, а ихний дед задницу грел! Тоже мне, осчастливил, облагодетельство-

вал, взял мать в прислуги. Лет пятнадцать мать на него горбатилась, все придирки его жены сносила, а что получила взамен?

— Ну, деньги он ей платил по тем временам хорошие, жила на всем готовом, на еду не тратилась, хозяйка хоть и вредная, а кой-какую одежду нам отдавала.

— Ага, обноски всякие!

— Ну, Танька, ты даешь! Сама за шмотки импортные готова была в ножки ей кланяться! А помнишь, как мы с тобой из-за кофточки подрались?

— Помню, и кофту изорвали, никому она не досталась, — хмуро ответила Татьяна.

— И зря ты на дядьку покойного злишься, все-таки вытащил он нас из деревни. Там бы мы как жили? Папаша вечно пьяный, он и дом-то по пьянке поджег, заснул с папиросой. И Жюлька сгорела...

— Вечно ты эту пустолайку вспоминаешь! Тьфу на нее!

— А я знаю, отчего ты из деревни уезжать не хотела, — после некоторого молчания сказала Мария, — все Вовку Шушлякова забыть не могла. Видела я, как ты к нему ночами на сеновал лазала. А потом к бабке Алене бегала, чтобы выкидыш вызвать.

— Ну да, дала бабка травки какой-то, все и вышло... — неохотно призналась Татьяна. — А с Вовкой у нас любовь была с четырнадцати лет, я, мо-

жет, если бы в деревне осталась, замуж бы за него вышла! Другую бы жизнь прожила!

— Да ладно, его в армию забрали, он с тех пор и глаз в деревню не казал! В городе все же лучше, чем в деревне в навозе ковыряться, коровам хвосты вертеть.

— Да чем лучше? — Татьяна снова схватила карандаш. — Как мы жили? Сначала в общежитии при фабрике шесть девок в комнате. Потом, когда хозяева смотались, маманьку чуть не на улицу выбросили!

— А вот не ври! Дом сгорел, и оказалось, что дядя Коля маме квартиру однокомнатную выбил перед отъездом.

— Ага, халупу эту несчастную, где мы сейчас живем? — Татьяна снова в сердцах бросила карандаш. — Как мать парализовало, так мы сюда переехали. Ты вспомни еще, когда мы втроем тут помещались! Друг у друга на голове! Мать стонет, запах от нее жуткий, окна открыть нельзя — ей сквозняки вредны... А потом, как мать похоронили, ну что это за жизнь в однушке-то. Мужика не приведешь...

— Тебе лишь бы мужика привести! — Мария наконец потеряла терпение. — Как начала в четырнадцать лет — так остановиться не можешь, маманька, может, из-за этого и в могилу раньше времени сошла! Сколько ей крови испортили жены твоих хахалей!

— Да где же я неженатых-то возьму? — искренне удивилась Татьяна. — Как кто поприличнее — так обязательно с хомутом на шее! Ладно, идем к хозяйке бывшей! Может, она раздоберется и кой-какое жильё нам отпишет! У нее, говорят, денег — куры не клюют. А куда ей? Оставить некому, а с собой в могилу не унесешь...

— Ну не знаю... — Мария с сомнением поджала губы. — С чего это ей вдруг нам такие подарки делать? Мы ей никто, и маманьку она всегда не любила...

Эльвира вошла в большую комнату, которая в этом номере исполняла роль гостиной, и быстро, незаметно огляделась. Ей показалось, что номер шикарный: в глаза так и бьет позолота и дорогая обивка на мебели. Да, вот если бы в таком номере они встречались с... нельзя произносить его имя даже в мыслях, он строго запретил. Шифруется, и приходится встречаться с ним не в приличной гостинице, а в какой-то задрипанной квартирке. Там пыльно, душно и вечно воняет бензином от соседней заправки. Словом, тот еще клоповник, который она же еще и оплачивает.

Эльвира мысленно вздохнула и придала лицу радостно-озабоченное выражение. Точнее, ей так казалось.

В углу все еще стояли несколько нераспакованных чемоданов, при виде которых Эльвира

ощутила самую настоящую зависть. Вот зачем этой старухе, которая, считай, уже одной ногой в могиле, такое богатство?

Старуха смотрела на нее выжидательно.

— Тетя Аня, — проговорила Эльвира прочувствованно, — я пришла, чтобы сказать вам — мы с Михаилом так рады вашему возвращению... так рады... на свете нет ничего важнее семейных уз!

— А где же Михаил? — Старуха демонстративно огляделась. — Что-то я его не вижу!

— Ну, Михаил... он всегда занят. Ну и вообще, вы же знаете этих мужчин. Они совсем, совсем не ценят семейные узы. Это мы, женщины, хранительницы домашнего очага... вот я и подумала, что мы с вами, две женщины, лучше найдем общий язык. Мы больше дорожим семейными ценностями...

— Ах, ценностями! Вот ты о чем! — оживилась Анна Ильинична.

— Но я не в том смысле...

— А в каком же?

— Вот, кстати, я испекла для вас пирог с лимоном. К чаю. Это мой фирменный, семейный рецепт. Он хранится в моей семье уже несколько поколений... передается от матери дочери или даже от бабушки внучке... — С этими словами Эльвира положила на стол пакет в шуршащей бумаге, развернула его.

— Несколько поколений? Надо же! Так он, должно быть, уже давно зачерствел!

— Ах, вы неправильно меня поняли. Я имела в виду не сам пирог, а рецепт...

— Ах, рецепт! А не такой ли точно пирог я видела в пекарне на углу? Кажется, он называется «Большие надежды»...

— Ах, что вы! — Эльвира покраснела. — Ничего общего! Я же говорю — это мой фирменный рецепт.

— Впрочем, это неважно. Давай выпьем чаю, раз уж ты принесла пирог. Ты ведь не откажешься от чашки чаю со старухой?

— Конечно! Я очень рада!

Анна Ильинична поставила на круглый столик две синие фарфоровые чашки с золотыми узорами, нажала кнопку на электрическом чайнике и искоса взглянула на гостью:

— Кстати, о семейных ценностях... я тут разбирала свои вещи и нашла кое-что очень интересное. Ты ведь натуральная блондинка?

— Да, конечно... — Эльвира снова вспыхнула.

— Так вот, я думаю, что это тебе должно подойти...

С этими словами Анна выдвинула ящик туалетного столика и достала оттуда бархатную коробку.

Глаза Эльвиры загорелись, как тормозные огни автомобиля, она не смогла с собой совладать.

— Ты посмотри, посмотри! — усмехнулась Анна Ильинична.

Эльвира осторожно открыла коробку, при этом руки ее дрожали.

И сердце у нее взволнованно забилося.

В коробке на черном, как осенняя ночь, бархате лежали брызги южного моря... капли лазурной, оглушительной синевы...

— Это малая парюра, — проскрипела старуха, наслаждаясь впечатлением, которое произвело на Эльвиру содержимое коробки. — Сапфиры и бриллианты. Как видишь, серьги, браслет и перстень. Бриллианты, правда, небольшие, но сапфиры очень даже ничего. Те, что в серьгах, по четыре карата. Другие поменьше.

— Это... это мне? — пролепетала Эльвира, с трудом справившись с дыханием.

— Тебе, тебе, милочка! — проговорила тетка снисходительно. — Ведь ты ко мне пришла, проведала одинокую старуху... хотя ты мне, в общем, не родня, но все же парюра в семье останется...

Она быстро и внимательно взглянула на Эльвиру:

— Ведь она останется в семье? Ты ее не продашь? Не пустишь по ветру? Я могу на тебя надеяться?

— Ну что вы, тетенька... конечно, тетенька... как вы могли такое подумать!

— Смотри у меня!

Едва Эльвира покинула гостиничный номер, прижимая к груди коробку, в дверь снова негромко постучали.

— Ну, кто там еще... — недовольно пробормотала Анна Ильинична и повторила громче: — Кто там? Горничная? Я никого не вызывала! Я вообще просила сегодня меня не беспокоить!

Она прекрасно помнила, что просила вчера всех этих, с позволения сказать, родственничков нанести ей визиты, но решила притвориться беспамятной старухой, так проще.

— Никого не принимаю! — снова закричала она.

Дверь тем не менее открылась, и на пороге появились две женщины — опирающаяся на суковатую палку старуха в темном платке и особа помоложе, с водянистыми рыбьими глазами и узкими, бледными, жалостливо поджатыми губами.

Старуха вцепилась скрюченными пальцами в плечо своей рыбоглазой спутницы, оглядела комнату неодобрительным взглядом и громко спросила ее:

— Куда это мы пришли? Где это мы? Кто это? Варвара Петровна из собеса?

Спутница покосилась на нее испуганно и проговорила вполголоса, но вполне слышно:

— Мама, не начинай! Ты же мне обещала!

— Ты говорила, что гулять пойдем, на нашей скамейке посидим, будем песни петь, а сама куда меня притащила? Что это за ведьма раскрашенная, как покойница?

— Мама! — Дочь не слишком уважительно дернула ее за руку. — Прошу, замолчи!

Затем она повернулась к Анне Ильиничне:

— Здравствуйте, тетушка!

— Садитесь! — не столько предложила, сколько приказала хозяйка номера, указав на два стула, и, внимательно приглядевшись к посетительницам, проговорила, скривив губы в некое подобие снисходительной улыбки:

— Это, значит, Вера... Мало изменилась! А ты, милочка, кто такая? Что-то я тебя не признаю!

— Я — Василиса... — отозвалась рыбаглазая особа, — дочка Веры Ивановны... я же вам на вокзале уже говорила... я вам там уже представилась...

— Что? — Анна Ильинична удивленно подняла брови. — Дочка? На вокзале говорила? Извини, милочка, я запамятовала. В нашем возрасте, знаешь ли, такое бывает.

— Да, мне ли не знать... — Василиса быстро, озабоченно взглянула на мать.

— Дочь, значит... А я было подумала, что Веруся на старости лет стала лесбиянкой!

— Как вы могли такое подумать? — Рыбьи глаза округлились, лицо побагровело. — Как вы такое только могли подумать?

— А что еще я должна была подумать? — Анна Ильинична изобразила смущение. — Наша Верочка замужем никогда не была, а по молодости лет очень даже увлекалась... впрочем, не будем

об этом! Все мы не без греха! Главное, вовремя остановиться...

— Пойдем отсюда немедленно! — прогремела старуха и ударила в пол своей клюкой. — Наслушалась уже песен!

— Мой отец погиб перед самой свадьбой... — пролепетала ее спутница, потупив взор.

— Ну конечно! Или в космос улетел, с концами, — подхватила Анна Ильинична, откровенно наслаждаясь моментом. — До сих пор летит в межзвездном пространстве... наверное, как раз пролетает мимо альфы Центавра...

— Пойдем отсюда! — сурово повторила старуха. — Я чувствую ее греховные помыслы...

— Всяк судит по себе...

— Пойдем уже! Зря мы пришли! И вообще, у меня суп на огне оставлен...

— Подожди, мама... — прошелестела Василиса. — Ничего у тебя не оставлено. И вообще, мы должны проявить смирение... христианское терпение... мы должны быть выше этого... как говорил отец Никодим, наша сила в вере...

— Все равно от нее никакого проку не будет! Зря мы только шли сюда! Вот Элька перед нами приходила — та небось с ней легко договорилась, ишь, какая довольная уходила! Ну да — они одного поля ягоды! А мне от этой вавилонской блудницы и не нужно ничего! Я с этой Иезавелью не хочу иметь ничего общего! Мне ее деньги

противны! Я к ним вообще не прикоснусь, даже если она меня будет уговаривать...

— Мама, какие деньги! — всерьез испугалась дочь. — Мы же не из-за них пришли!

— Какая принципиальная позиция! — проговорила Анна Ильинична. — И какая похвальная откровенность! Значит, вы пришли в надежде разжиться у меня какими-нибудь деньгами или чем-нибудь ценным? Ну, в общем, кто бы сомневался!

— Как вы могли подумать? — воскликнула рыбоглазая Василиса.

— Повторяешься, милочка!

— У нас и в мыслях ничего подобного не было... разве только если вы хотели пожертвовать на богоугодные дела...

— Пожертвовать? А впрочем, коли уж зашел разговор о чем-нибудь ценном... у меня для Верочки действительно кое-что приготовлено. С учетом ее интересов.

Она повернулась, открыла один из чемоданов и достала оттуда какой-то небольшой плоский предмет, завернутый в мягкую ткань, и протянула его Василисе:

— Вот, это икона семнадцатого века. Или даже шестнадцатого, точно не помню. Чудо святого Георгия. Поразительная вещь, и кстати, очень ценная. Московская школа, мастерская Иоанна Схимника. Во всем мире таких две или

три. Серебряный оклад, все дела. Мне за нее два миллиона предлагали...

— Долларов? — Глаза Василисы хищно сверкнули.

— Фунтов, милочка! Дело было в Лондоне. Предлагал один олигарх из наших, но я отказалась. Зачем мне лишние два миллиона? А так — вещь красивая, пускай лучше в семье останется.

— Да, конечно, лучше в семье... впрочем, это не имеет значения... — Василиса приглушила блеск глаз. — Важно, что это икона, святая вещь... мы можем пожертвовать ее храму...

— Принимаете, значит, подарок от Иезавели?

— Не принимайте мамины слова так близко к сердцу... вы же понимаете, это у нее возрастное...

— Возрастное? Да она моложе меня лет на пять!

Василиса развернула платок и впилась взглядом в икону.

— А теперь уже и правда можете идти, — проговорила Анна Ильинична, и на ее лице проступила усталость. — Мне нужно отдохнуть... прилечь... я устала...

— Пойдем, мама! — Василиса завернула икону, вскочила. — Пойдем... не будем мешать Анне Ильиничне...

Старуха поднялась, бросила на хозяйку номера странный взгляд и направилась к двери. Потом остановилась, круто развернулась и вдруг рассмеялась.

— Я вспомнила! Я тебя узнала! Знаю, кто ты такая! Анька-пустоцвет, вот ты кто!

— Что ты сказала? — По лицу хозяйки номера пробежала тень, губы ее плотно сжались, глаза вспыхнули, она рванулась было к старухе, но удержала порыв.

Тут Василиса схватила мать за плечо и буквально вытолкала ее за дверь.

— Идите уж отсюда, дайте покой!

Однако, когда дверь за посетительницами закрылась, Анна Ильинична не легла. Напротив, она оживилась, на лице ее проступило какое-то лихорадочное нетерпение. Она переделалась в темный брючный костюм и вызвала горничную.

Когда та появилась, Анна Ильинична проговорила строго:

— Милочка, ты умеешь держать язык за зубами?

— Это моя работа, — ответила девушка без удивления.

— Отлично. И я тебе за это хорошо заплачу.

— Слушаю вас.

— Здесь ведь есть запасной выход, только для персонала?

— Конечно.

— Так вот, милочка, вызови мне такси, причем чтобы оно подъехало к этому запасному выходу...

— Нет проблем.

— А если меня в ближайшие два-три часа кто-то будет спрашивать, безразлично кто, говори, что я отдыхаю у себя в номере и просила меня ни в коем случае не беспокоить. И чтобы ни для кого никаких исключений! Все понятно?

— Абсолютно понятно.

— Ну и отлично, милочка. И вот тебе за такую понятливость... — Она протянула девушке крупную купюру.

Однако едва горничная вышла, в номер Анны Ильиничны снова постучали.

— Ты что-то забыла? — недовольным голосом проговорила женщина. Она решила, что стучит горничная.

Но дверь открылась, и в комнату вошел сухопарый пожилой человек в аккуратно выглаженном, хотя и заметно поношенном костюме, вышедшем из моды лет двадцать назад.

— Ах, Рома, это ты! — Анна Ильинична демонстративно взглянула на часы. — Вообще-то я спешу...

— Ты же сама просила зайти. Впрочем, если тебе и правда некогда, я не буду навязываться...

— Нет, раз уж ты пришел... вы ведь с Колей были друзьями, очень близкими друзьями!

— Это правда... мы с ним со школы... за одной партой сидели... — Взгляд Романа Андреевича затуманился.

— Да, Ромочка, да... сколько лет прошло... — Анна Ильинична похлопала гостя по руке, — и как быстро прошли эти годы... ты, кстати, очень неплохо выглядишь. Для своего возраста.

— Ты тоже.

— Ох, не надо мне льстить! Я на такую грубую лесть давно уже не ведусь. У меня, знаешь ли, есть зеркало!

— Нет, это правда...

— Кстати, насчет правды, — Анна Ильинична быстро и внимательно взглянула на мужчину. — Какая кошка пробежала тогда между тобой и Николаем?

— О чем ты?

— Ведь вы за несколько месяцев до нашей... до нашего отъезда перестали общаться. Как будто оборвали все связи.

— Что ты говоришь? Честно говоря, я не помню... — Роман Андреевич невольно отвел взгляд. — Наверное, у нас просто была настолько разная жизнь, что не о чем стало говорить. Пропали все точки соприкосновения... нет, не помню.

— Не помнишь? Ну, в нашем возрасте это не удивительно. Ладно, не помнишь и не помнишь. Зато я помню, что Коля хотел подарить тебе одну вещицу... он говорил, что ты ее очень хотел иметь. Думаю, что тебе будет приятно получить ее на память о старом друге.

— Вещицу? — переспросил Роман Андреевич заинтересованно. — Ты говоришь о...

— Да вот она! — Анна Ильинична выдвинула ящик туалетного столика, достала оттуда большой конверт из плотной желтоватой бумаги и протянула его посетителю.

Тот взял конверт с недоверчивой радостью:

— Неужели это то, о чем я думаю?

— А ты сам посмотри! Лучше, как говорится, один раз увидеть...

Роман Андреевич достал из кармана кожаный очечник, вынул из него очки, надел их и только после этого открыл конверт и взглянул на его содержимое.

Это был аккуратно вложенный в тонкий пластиковый файл лист пожелтевшей от времени бумаги, покрытой выцветшими от времени зеленоватыми чернилами. Почерк был аккуратный, старательный, но многие буквы незнакомые, орфография старинная, давно забытая. Внизу листа стояла размашистая подпись с завитком на конце и расплывшаяся сургучная печать.

Роман Андреевич поправил очки и начал негромко читать:

— Мы, Божьей милостью государь, царь и великий князь Деметриус Первый... Это оно... — проговорил мужчина дрожащим от волнения голосом, прервав чтение. — То самое письмо...

единственное собственноручное письмо Лжедмитрия Первого...

— Тебе виднее! — Анна Ильинична улыбнулась уголками губ.

— Я не знал, что оно было у Николая... он тогда советовался со мной, купить ли его, но потом вроде бы отбросил эту идею... Значит, все-таки купил...

— Ну, ты рад?

— Но оно бесценно! Ты и правда хочешь мне его отдать?

— Что я хочу — дело десятое. Важно, что этого хотел Николай, мой Коля. А для меня его желание — закон.

— Ты не представляешь, как это для меня важно... я так благодарен тебе...

— Ну вот и хорошо. Делать добрые дела приятно. А теперь извини, меня и правда ждут...

Однако и на этот раз Анне Ильиничне не суждено было уйти, потому что едва Роман Андреевич вышел, в дверь тут же просунулись две головы. Анна Ильинична прищурилась и узнала двух сестер, дочерей домработницы Нюры.

Несмотря на то что одна была очень светлая блондинка, про таких говорят «белобрысая», а вторая от души выкрасилась в ослепительный рыжий цвет, сестры были похожи. Глазки маленькие, носик пуговкой, губки поджаты,

только у одной брови нарисованы карандашом и на ресницах едва ли не пуд дешевой комковатой туши, а у другой бровки белесые и ресницы коровьи.

— Вы кто? — спросила все же Анна Ильинична. — Вы дверью, что ли, ошиблись? Господи, ну и гостиница, сняла ведь целый этаж, а тут шляются все кому не лень!

Сестры промолчали, только старшая, рыжая, выразительно ткнула другую в бок — говорила же тебе! На что белесая ответила таким же выразительным взглядом — а не надо было вообще сюда идти, ничего хорошего нам тут не обломится.

От Анны Ильиничны, которая, как уже говорилось, обладала острым не по возрасту зрением, не укрылся этот обмен взглядами, и она сменила тактику.

— Ну, девушки, заходите, раз пришли!

«Девушкам» было в районе пятидесяти годков, но они не стали спорить, вошли в комнату и рядом уселись на диване, как птицы на проводе.

— Помню мать вашу, Нюрку из Голубевки, — начала разговор хозяйка, — помню, как перед мужем моим задом вертела, все хотела, видно, мое место занять. Ан не вышло.

— Она умерла, — пробормотала белесая сестра, — давно уже.

— И как умирала, легко? — любопытствовала Анна Ильинична.

— Тяжело, — ответила рыжая, — плохо маманька умирала, девять месяцев лежала, стонала очень, пролежни были...

Тут младшая пихнула ее в бок и встала с дивана.

— Мы, пожалуй, пойдем!

— Куда это собрались? — удивилась хозяйка. — Вроде и разговор-то не начинали.

— На работу торопимся, на фабрику. Спасибо на добром слове, тетенька, только недосуг нам, на жизнь зарабатывать нужно.

— Ты за меня, Манька, не говори! — окрысилась на сестру рыжая.

— Вот что, девочки, я вашу мать не любила, потому как уж больно мужа моего она завлечь пыталась, место свое не знала, — миролюбиво заговорила хозяйка, — но вы-то не виноваты. И хочу я перед тем, как покину этот мир, доброе дело сделать. Знаю, что плохо вы живете, трудно, вдвоем в квартирке однокомнатной. А женщины вы молодые, надобно вам личную жизнь устроить, а то как бы поздно не было. А для личной жизни нужно что... известно что: жилплощадь.

— Золотые ваши слова, Анна Ильинична! — обрадованно завопила рыжая Татьяна.

— И вот решила я вам квартиру отдать, которая при фабрике находится, мы с Николаем там раньше жили. Квартира, конечно, так себе, запущенная очень, но вы молодые, руки у вас хорошие, так что живо ее в порядок приведете!

— Тетенька Аня! — Татьяна вскочила с дивана с намерением заключить хозяйку в объятия. — Да век будем за вас Бога благодарить! А ремонт сделаем, лишь бы крыша над головой была!

— Ну-ну... не стоит благодарности. Нужно людям добро делать... на этом земля держится...

И Анна Ильинична протянула им лист гербовой бумаги, на котором отпечатано было, что она, такая-то, передает квартиру там-то и там-то в пользование двум сестрам на правах собственности... фамилии и паспортные данные упомянутых сестер прилагаются. И подпись нотариуса, и большая круглая печать.

— Все, девушки, идите уже и больше меня не беспокойте. Отдохнуть я хочу.

Всю дорогу домой Татьяна едва не плакала от радости.

— Вот не ждали — не гадали, а привалило нам счастье!

Роман Андреевич вышел из гостиницы, огляделся по сторонам.

Он спешил домой. Конверт, который лежал у него за пазухой, был бесценен. Скорее домой, скорее спрятать его в надежное, безопасное место...

Вернувшись к себе, он первым делом запер дверь, задернул шторы на окнах, отодвинул от стены старый продавленный диванчик, подцепил

пилочкой для ногтей половицу. Под ней в полу был тайник. Там лежал маленький черный сундучок.

Роман Андреевич открыл этот сундучок, мельком взглянул на его содержимое, но не стал терять время. Положил туда же бесценный конверт, закрыл сундучок, положил на место половицу, придвинул диван на прежнее место.

Так, можно немного успокоиться.

Здесь конверт никто не найдет, а через несколько дней он созвонится с нужным человеком и увезет этот конверт в Москву.

И его жизнь волшебным образом изменится...

Он знает, кто заплатит за этот документ настоящую цену!

Пусть ему осталось не так уж много лет, но эти годы он проживет как человек!

Интересно, Анна знает, сколько стоит этот документ? Наверное, нет, иначе она не отдала бы его...

Хотя... она богатая женщина, для нее это ерунда. Может, и отдала бы — ведь этого хотел Николай...

Хотя вряд ли он этого действительно хотел...

Тут Роман Андреевич вспомнил их разговор. Вспомнил, как она спросила, отчего они рассорились с Николаем. Буквально спросила, какая кошка между ними пробежала...

Неужели она знает?

Нет, если бы знала, она ни за что не отдала бы ему этот конверт... вообще не стала бы с ним разговаривать... значит, она ничего не знает, а спросила просто так, наугад...

Ксения посмотрела на часы — изящные дамские часики, которые вполне можно было принять за золотые, очень известной швейцарской фирмы, если не присматриваться, конечно. Что ж, пока она вполне укладывается в нужное время.

Сейчас лето, но ночь, судя по всему, не была слишком теплой, да и солнце нехотя выглядывает из-за облаков. Так что вполне подойдет достаточно короткая прямая юбка и пиджачок. Никаких ярких цветов, никаких контрастов, неявная скромная полоска. И топ с очень скромным вырезом.

Она — офисный работник, да не обычная секретарша, а успешная деловая женщина, с престижной, хорошо оплачиваемой работой, знающая себе цену.

Ксения зачесала волосы гладко и влезла в изящные лодочки. Каблук не слишком высокий, туфли хороши, вот на них она не поскупилась, никаких подделок. Сумка тоже известной фирмы, тут экономить нельзя, люди сразу на сумку смотрят.

Ксения вышла из квартиры и прислушалась. Ага, все тихо, соседи спят, а в этой квартире вроде бы в отпуск уехали, она вчера из окна видела их с чемоданами.

Это хорошо, что они уехали, поскольку муж уж больно к ней, Ксении, приглядывался. Помочь предлагал по хозяйству, когда она в эту квартиру въехала пару недель назад.

Совершенно ни к чему Ксении такое внимание. Ей нужно вести себя как можно незаметнее, чтобы никто ее не запомнил. И выполнять неукоснительно ежеутренний ритуал.

Итак, она спустилась на лифте, чтобы не стучать каблуками, а то старушенция, что живет под ней, жаловалась уже хозяйке на шум. Хозяйка — баба тертая и спокойная, у нее квартир этих, что сдает, штук пять, так что она от старухи попросту отмахнулась, но без хамства, а Ксении сказала, что бабка в принципе не склочная, в легком ма-разме, ей ерунду какую-нибудь подарить — дешевенькую шоколадку или яркую заколку для волос, она и заткнется.

Дом, в котором Ксения снимала квартиру, выглядел довольно прилично. Лестницу недавно отремонтировали, двери покрасили, отгородили внизу место для консьержки. Объявление даже повесили, но пока никто не согласился.

Это и к лучшему, подумала Ксения, будет какая-то тетка сидеть и от скуки всех жильцов разглядывать, сплетни по дому разносить. Ладно, пока найдут человека, Ксения уже отсюда съедет.

Она вышла из подъезда и быстро, внимательно оглянулась. Так и есть, мужчина с третьего